

6. Статистика по населению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie>.
7. Бим-Бад, Б.М. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. – М., 2010.
8. Сорокин, П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. – 1916. – № 2.

НАРРАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Завадский М. Б. (Минск, Беларусь)

Постановка и рассмотрение проблемы диалога культур традиционно задается оптикой макроуровня глобальной динамики. Вместе с тем, процессы кросс-культурного взаимодействия, сглаживания культурных противоречий в не меньшей степени происходят и на микроуровне, в сфере межличностных отношений, индивидуальных рецепций и решений, затрагивая основы личностной идентичности. На формирование самосознания индивида не может не оказывать влияние разнообразие жизненных стилей и стратегий, мультикультурализм, конфликты ценностных порядков, проблема совмещения традиционных и современных моделей сосуществования и т.п. В настоящее время для философов и социальных теоретиков нетривиальной задачей является разработка нормативных параметров личностной идентичности в «индивидуализированном обществе» (З. Бауман), соотношение ценностей и субъективного начала индивида, определение роли ценностных (шире – моральных) оснований в выстраивании персональной идентичности, индивидуального жизненного проекта.

В традиционных обществах представление человека о самом себе не носило проблематичного характера, поскольку было детерминировано положением, занимаемым в социальном организме племени, рода, сословия. Идентичность личности была фундирована закрепленными за ней обязанностями и ролями. Социальный статус определял образ жизни, моральные ориентиры, личностные качества, предназначение. Человек от рождения обнаруживал предустановленный набор правил, которые обуславливали направленность его жизни. В мировоззренческом плане личностная идентичность, как правило, обретала границы в контексте надиндивидуальных онтологических, космологических и теологических горизонтов.

Общество раннего модерна ставит под сомнение и впоследствии трансформирует фундаментальные принципы традиционной картины мира и самопонимания человека. Религиозный индивидуализм Реформации, рационализация и «расколдовывание мира» (М. Вебер), теории общественного договора намечают векторы современного изменения общества и индивида [2, с. 28]. В результате персональная идентичность начинает утрачивать ценностные ориентиры, лежавшие в ее основании. Ценности приобретают вторичный характер по отношению к субъективному

пространству индивида. Формируется представление о ценностях как о предмете «выбора», личностных предпочтений, вкуса. В качестве попытки «спасти» трансцендентальный статус ценностей можно рассматривать философию Баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт).

Если в домодерный и отчасти в раннемодерный период развития европейской культуры ценности были фундаментом для персональной идентичности, то в (поздне)модерных западных обществах происходит инверсия этой детерминации. Теперь личность обладает правом и ресурсами не только «выбирать», но и созидать ценности (Ф. Ницше, Р. Рорти). Приоритет субъективного перед ценностным в качестве негативных последствий имел распространение морального релятивизма, цинизма, нигилизма, инструментализма. Ценой такой трансформации в самопонимании индивида стало «разделение сознания», представление о жестком разграничении между личностной и социальной идентичностью и, в конечном итоге, кризис идентичности.

В современной философии интеллектуальную реабилитацию ценностных и моральных оснований персональной идентичности предпринимают представители нарративно-герменевтического подхода. Обозначим позиции ключевых авторов, работающих в его рамках, – А. Макинтайра и Ч. Тейлора. Философов объединяет интенция дать обоснование этической обусловленности идентичности личности. Оба мыслителя показывают, что формирование идентичности связано напрямую с представлением, какая жизнь является достойной, благой, добродетельной, правильной. Оно конкретизируется в понятии горизонта значений Тейлора как системы ориентации человека в мире, предполагающей, что существуют цели, стили, способы жизни, поведения, чувствования, которые более значимы, чем другие. Горизонт и этика добродетелей (Макинтайр) являются онтологическим фундаментом для личности в современном мире. Условием возможности установления связи между личностью и общим благом, ценностями (Тейлор), восстановления домодерного понимания добродетелей (Макинтайр) является нарратив.

В целом бытие человека осуществляется в форме повествования. Попытки объяснить персональную идентичность, игнорируя нарративной порядок жизнедеятельности человека, обречены на неудачу. Рассказы об индивидуальной жизни представляют собой сеть взаимосвязанных нарративов, которые наделяются смыслом по мере того, как персональное вплетается в более широкий социальный, культурный, религиозный контекст. Вне этого контекста, который устанавливает связь с сообществом персональная идентичность остается фрагментарной, распыленной и пустой. Открытость социально-культурному горизонту смыслов предполагает занятие определенной позиции: идентичность формируется в процессе определении своего места в горизонте актуальных вопросов морального мышления. Ответность и ответственность перед лицом обращенных к индивиду традиции, наследия, сообщества выступают составляющими идентичности.

Нарратив в структуре персональной идентичности обладает следующими характеристиками: экзистенциальность – пространство, в котором современный человек обретает свою идентичность; связность и последовательность нарратива наделяет существование человека единством и целостностью; интеллигибельность, которая обеспечивают действия и поступки интересным смыслом; контекстуальность, предполагающая, что в расчет берутся намерения, убеждения субъекта повествования и его окружение; телеологичность как направленность на осуществление жизненных целей, смысла жизни, идеалов, идеи блага; темпоральность как единство значимости прошлого и будущего для настоящего; жанровая специфика, применимая как к отдельным действиям человека, так и к его жизни в целом [1, с. 278–295; 3, с. 47–52].

Несмотря на созвучность позиций обсуждаемых авторов, они не единодушны по ряду вопросов. Так, Макинтайр, настаивая на реанимации учения о добродетелях Аристотеля, предполагает возможность возвращения к «сильному» понятию человеческой природы, которое должно содержать определенный набор добродетелей, направляющих жизнь человека. Понятие природы человека, указывающее на объективные ценности, согласно Макинтайру, должно быть противопоставлено субъективистским представлениям о том, что ценности историчны либо релятивны. Из перспективы проекта Тейлора позиция Макинтайра не учитывает того, что субъективный поворот в европейской культуре, повлекший за собой индивидуализацию общественной жизни, отражает пути поиска морального блага западными мыслителями и не может быть квалифицирован только как негативная тенденция. У Макинтайра не находят выражения и признания такие параметры идентичности, как конструирование своей самости и самобытность ее опыта. В то время как, с точки зрения Тейлора, ценности или горизонты значений предполагают вариант их уникальной рецепции, не лишая при этом индивида возможности социальной идентификации или гражданской позиции. По Макинтайру, субъект нарратива является в лучшем случае только его соавтором, поскольку, во-первых, ключевые моменты рассказа (направляющие его сюжетную линию добродетели) были предзаданы рождению человека, и, во-вторых, повествование об индивидуальной жизни во многом определяется рассказами других людей, сообществ, традиций, институтов. Мы являемся персонажами не только своей истории.

Таким образом, нарративная версия осмысления персональной идентичности, предлагающая обоснование конститутивной роли нормативных, ценностных и моральных оснований в формировании идентичности личности, является сбалансированной альтернативой крайним представлениям о «смерти субъекта» и радикальной субъективизации / релятивизации общественной жизни в современном глобальном мире.

Литература и источники

1. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. – 2000.
2. Guignon, Ch. On Being Authentic / Ch. Guignon. – London and New York: Routledge, 2004. – 185 p.
3. Taylor, Ch. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / Ch. Taylor. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. – 601 p.

СУМЕРКИ ЕВРОПЫ ИЛИ УТРЕННЯЯ ЗАРЯ НОВОГО МИРА?

Игнатов В. К. (Минск, Беларусь)

Сегодня Европа уподобилась страннику, много веков блуждавшему по всему миру в поисках истины и, наконец, обретшему ее. Однако парадокс этого ощущения достижения цели состоит в осознании бессмысленности затраченных усилий, ибо мир оказался лишенным смысла.

XX век завершился некрологом великим идеалам европейской культуры Нового времени. Угасло интеллектуальное могущество теорий прогресса, социального утопизма, универсального благоденствия. Смолкли фанфары, еще недавно возвещавшие о мировом триумфе западной либеральной идеи. Все чаще стали раздаваться голоса, предрекающие грядущий духовный мрак, крах традиционных мировоззренческих концепций, питавших Европу с эпохи Просвещения, окончательное поражение идеи непрерывного исторического развития. Эру Постмодерна сравнивают то с периодом поздней Античности, то с эпохой Барокко – та же неопределенность в умах, те же метания от беспредельного оптимизма и безграничного желания сохранить многовековые устои до глубочайшего скепсиса, преклонения перед судьбой и безверия.

Эпоха Постмодерна подвергла духовному разрушению все идеалы минувшего. Скепсис, ирония, интеллектуальная игра в конструирование коллажей из культурного наследия не оставляют места серьезной и строгой вере в создание лучшего будущего, в сотворение совершенной земной жизни, в достижение индивидуального бессмертия. Не раз уже высказывалось суждение, что современная европейская интеллигенция присутствует на собственных похоронах. Но «конец истории» станет и прощанием со всей европейской цивилизацией. Уникальность Европы с эпохи христианства покоилась на идее устремленности истории к новым духовным перспективам, к новым смыслам бытия, к новым ипостасям человека. Поэтому сама мысль об исчерпании исторического развития идет рука об руку с признанием краха христианской цивилизации. Цикличность – это приговор Европе.

Итак, что же нас ждет впереди? Скука от созерцания утративших подлинную творческую жизнь и духовную энергию некогда великих истин, сартровская «тошнота» от осознания тщеты человеческих усилий стать